

Болтливые вещи

Котэ Шрёдингера

Артём Шаповалов

Артём Шаповалов

Болтливые вещи.

Котэ Шрёдингера

<https://litres.ru/73997816>

SelfPub; 2026

Аннотация

Привычная жизнь Игната Тополева рушится, когда во время починки кофеварки он получает удар током и внезапно начинает слышать голоса предметов. Носки, зеркало и диван обретают характеры и втягивают его в приключения. В тот же день на пороге появляется адвокат с заказом: из закрытого особняка магната Варламова исчезла антикварная статуэтка «Котэ Шрёдингера». Поддавшись на уговоры вещей, Игнат берётся за дело, ещё не зная, что оно выведет на след его собственного тайного прошлого.

Содержание

Глава 1. Первые слова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Артём Шаповалов

Болтливые вещи.

Котэ Шрёдингера

Глава 1. Первые слова

Сознание возвращалось к Игнату Тополеву нехотя, словно боялось того, что увидит по прибытии. Последнее, что сохранила память перед тем, как выключили свет, была ослепительная голубая искра, вылетевшая из недр кофемолки, которую мама с бабушкой Игната насмотревшись сериала назвали «Изаура», и собственное тело, которое вдруг решило, что законы физики всего лишь рекомендация, а вовсе не обязательство. Теперь он лежал на полу собственной кухни в старой пятиэтажке на Юго-Западе Москвы, и в затылок ему упиралась ножка табуретки, пахло палёной проводкой и почему-то кардамоном, хотя никакого кардамона в доме не водилось уже лет восемь.

«Сотрясение, — подумал Игнат, не открывая глаз. — Как минимум. Или клиническая смерть, тогда я, выходит, должен видеть туннель и слышать голоса умерших родственников. Интересно, дядя Коля уже и там научился гнать самогон, и спаивает ангелов?»

Но вместо дяди Коли, которого Игнат помнил исключительно по рассказам матери как человека, способного за-
снуть на ходу и однажды проспавшего собственную свадьбу,
он услышал совсем другие голоса. Они доносились откуда-то
снизу, из района его собственных ступней, и звучали на-
столько отчётливо, что первая мысль была о соседях, может,
опять Петровы из тридцать восьмой что-то не поделили и
теперь выясняют отношения на повышенных тонах, а звук
идёт через вентиляцию, как это часто бывает в панельных
домах, где архитекторы явно проектировали воздуховоды с
расчётом на то, чтобы жильцы были в курсе всех подроб-
ностей чужой жизни.

— Я тебе говорю, это случится! — произнёс первый го-
лос, удивительно бодрый для обстановки, и в нём звенела
та особая радость, с которой обычно сообщают о предстоя-
щем конце света или повышении квартплаты. — Сегодня он
наступит в лужу, простудится, заболеет воспалением лёгких
и умрёт! Ты только представь себе это великолепие! Боль-
ничная койка, капельницы, сочувствующие медсёстры Нет,
правда, какой чудесный день нас ожидает!

— Ох, — отозвался второй голос, и в нём слышалась та-
кая глубокая, вековая скорбь, какой не наберётся и у всех
философов-экзистенциалистов, вместе взятых, — не гово-
ри ерунды. Никто не умрёт. Его ждёт повышение гонорара,
крупный клиент и, возможно, даже романтическое знаком-
ство. Всё будет хорошо. Ты меня слышишь? Хо-ро-шо. И это

просто ужасно!

Игнат медленно, очень медленно приоткрыл правый глаз. Кухня была на месте. Старый холодильник «ЗИЛ», который помнил ещё Брежнева и при запуске издавал звук, сравнимый с отбытием товарного поезда, стоял в углу и, кажется, сочувственно помалкивал. Газовая плита с конфорками, залепанными чем-то, что могло быть и остатками вчерашнего ужина, и палеолитическими отложениями, равнодушно поблёскивала эмалью, а на полу, прямо перед лицом Игната, лежали два носка.

Правый носок был ярко-оранжевый, с жёлтыми полосками, и выглядел так, словно его связали из шерсти, отобранной у мандарина-мутанта в период обострения весеннего авитаминоза. Он был изрядно потрёпан, на пятке виднелась штопка, сделанная нитками вишнёвого цвета, что придавало ему сходство с цирковым клоуном, пережившим неудачное падение в оркестровую яму. Левый носок, напротив, был тёмно-серый, почти чёрный, без единого узора, если не считать узором катышки, покрывшие его подобно мху на древнем валуне. Он имел такой вид, будто его носили не на ноге, а на душе, причём душа эта принадлежала человеку, который ежедневно ожидал вызова в налоговую.

Игнат закрыл глаз. Потом открыл снова. Носки никуда не делись.

— Ты только посмотри, он приходит в себя! — радостно воскликнул оранжевый. — А я уж боялся, что удар то-

ком оказался смертельным, и мы осиротели. Представляешь, Виталя, какая была бы трагедия? Мы бы остались без хозяйина, нас бы выбросили на помойку, и там, среди гниющих очистков и битого стекла, мы бы медленно разлагались, пока какой-нибудь бомж не приспособил бы меня под чехол для фляги. Романтика!

— Не выбросили бы, — мрачно отозвался серый носок. — Нас бы отдали бедным родственникам, и мы бы ещё лет срок грели ноги какому-нибудь пенсионеру в Мытищах. Это было бы очень, очень хорошо. Стабильность, уют, отсутствие приключений. Кошмар!

— Позвольте, — произнёс Игнат, и собственный голос показался ему чужим, как будто он одолжил его у кого-то более здравомыслящего и теперь не знал, как вернуть, — вы разговариваете?

— А ты наблюдателен, — восхитился оранжевый. — Я Валерий, но друзья зовут меня Валера. Можешь звать меня просто Валера. Я, знаешь ли, демократичен. Терпеть не могу официоз. А этот мрачный тип — Виталя. Мой брат по несчастью и по пряже, вы с ним парные, хотя, как видишь, совершенно непохожи. Природа любит контрасты.

— Я не мрачный, — сообщил Виталя таким тоном, будто читал вслух некролог собственной бабушке, которую, впрочем, никогда не любил. — Я реалист. И я точно знаю, что всё будет хорошо. А это означает лишь одно: готовься к худшему. Хорошее всегда приходит с довеском в виде неприятно-

стей. Как в супермаркете: покупаешь акционный сыр, а дома обнаруживаешь, что срок годности истёк позавчера. Сыр вкусный, но последствия необратимы.

Игнат сел на полу, прислонившись спиной к холодильнику, и некоторое время просто смотрел на носки. Носки, надо отдать им должное, вели себя идеально для галлюцинации: они не исчезали, не меняли очертаний, не начинали петь арии из оперетт, что было бы вполне в духе расстройства психики, вызванного электрошоком. Они просто лежали и переругивались, как старая супружеская пара, которая давно выяснила все границы дозволенного и теперь развлекалась их периодическим пересмотром.

— Итак, — произнёс Игнат, обращаясь неизвестно к кому — возможно, к самому себе, потому что обращаться к носкам казалось ему шагом, за которым неизбежно последует смирительная рубашка и задушевные беседы с психиатром о том, как в детстве ему не хватало материнской любви, — допустим, я сошёл с ума. Это объяснение меня вполне устраивает. Оно логично, не противоречит наблюдаемым фактам и даже, я бы сказал, элегантно. Вопрос только в том, почему мой воспалённый мозг решил наделить даром речи именно носки? Почему не, скажем, картину? Или книжный шкаф? Там, по крайней мере, можно ожидать содержательной беседы.

— Картина — это пошло, — обиделся Валера. — Все психи представляют себе говорящие портреты. А ты у нас ори-

гинал. К тому же книжный шкаф ты услышал бы ещё вчера, если бы потрудился к нему подойти. Он, между прочим, уже лет десять пытается тебе намекнуть, что ты ставишь на него кружку с чаем, и это его оскорбляет. Но ты же у нас человек занятой, тебе не до шкафов.

— Шкаф «Генрих» — очень воспитанный предмет мебели, — добавил Виталья с интонацией, какой обычно обсуждают покойника на поминках, стараясь найти в нём хорошие стороны и не находя. — Он никогда не жалуется вслух, только тихо рассыхается. Ещё лет пять, и он развалится. Но это хорошо: освободится место, станет просторнее. Жить в пустой квартире, ну что может быть приятнее? Никакой мебели, никаких проблем. Лежи на полу и смотри в потолок. Идиллия.

Игнат потёр виски. Голова болела, но болела она как-то обыденно, без налёта потусторонности, и это немного успокаивало. За окном шумела Москва — где-то далеко, на Ленинском проспекте, выясняли отношения автомобили, во дворе кричали дети, а из открытой форточки тянуло запахом бензина и мокрой листвы. Обычный сентябрьский день, обычный спальный район, обычная квартира с потрескавшимися обоями и счетами за коммуналку, которые Игнат принципиально не открывал, полагая, что незнание суммы долга делает его морально свободным человеком.

Он осторожно, двумя пальцами, поднял с пола Валерия и поднёс к глазам. Носок пах ношеной обувью и чуть-чуть сти-

ральным порошком, тем самым дешёвым, из супермаркета, который Игнат покупал по акции и который пах не столько свежестью, сколько химической надеждой на свежесть.

— Ты существуешь, — констатировал Игнат. — На ощупь ты шерстяной, от тебя пахнет, ты разговариваешь. Если я сейчас положу тебя в ящик и закрою, ты замолчишь?

— Попробуй! — с энтузиазмом предложил Валера. — Я буду орать из ящика, как домовой, которого забыли покормить. Соседи вызовут полицию, тебя заберут в участок, там ты познакомишься с интересными людьми, один из которых окажется серийным убийцей, и вы вместе совершите побег. Я уже вижу эти заголовки: «Бывший следователь стал подельником маньяка из-за говорящего носка». Ты станешь знаменит!

— Или тебя просто примут за сумасшедшего, посадят в лечебницу, и там ты проведёшь остаток жизни, питаешься манной кашей и глядя в белый потолок, — добавил Виталя. — Но там хорошо кормят. И режим. Режим — это прекрасно.

— Кто из вас предсказывает будущее? — спросил Игнат, решив, что раз уж он разговаривает с носками, то нужно хотя бы систематизировать информацию. Годы работы в убийном отделе приучили его к тому, что даже в самом абсурдном деле должна быть логика, пусть и извращённая.

— Я! — хором ответили оба.

— Он предсказывает хорошее, — пояснил Валера. — Но подаёт это как траурную телеграмму. А я — плохое. Но с та-

ким оптимизмом, что даже мор по бубонной чуме покажется тебе увлекательным приключением. Мы как две стороны одной монеты, только монеты нет, а носки есть.

— Мы — диалектика, — подвёл итог Виталя. — Единство и борьба противоположностей. Я — тезис, он — антитезис, а ты — синтез. Правда, синтез у тебя пока хромает, но это придёт. Придёт обязательно, и это плохо.

Игнат положил Валерия обратно на пол, встал на ноги и подошёл к столу, где всё ещё стояла кофемолка «Изаура» с торчащей из неё отвёрткой, похожая на раненого зверя, которому не успели оказать ветеринарную помощь. Он потянулся к ней, чтобы вытащить отвёртку и наконец привести прибор в божеский вид, но в ту же секунду услышал новый голос — на этот раз женский, низкий, с хрипотцой, какой бывает у певиц, слишком долго выступавших в прокуренных кабаре.

— Руки убери, — произнесла Изаура. — Хватит с меня твоих ремонтов. В прошлый раз ты меня чуть не угробил. Я, между прочим, советской закладки. Я ещё твою мать пережила, и твою бабу, и ту странную тётку из Саратова, которая приезжала в восемьдесят шестом и пыталась сделать из меня мясорубку. Ко мне нужно с почтением, а ты с отвёрткой, хам невоспитанный!

Игнат замер с протянутой рукой. Где-то в глубине души он уже начал привыкать к тому, что неодушевлённые предметы больше не собираются соблюдать субординацию. Но

кофемолка говорила с таким апломбом, будто это она платила за квартиру, а Игнат был временным жильцом, которому из милости разрешили ночевать на кухне.

— Изаура, — сказал он примирительно, — я всего лишь хотел починить

— «Починить»! — передразнила кофемолка. — Ты даже не знаешь, где у меня внутри что! Ты полез в меня с отвёрткой, не выключив из розетки, и в результате устроил короткое замыкание. Я теперь чувствую себя так, будто меня лизнула молния, а потом ещё и пнули для верности. Спасибо, не надо. Лучше отнеси меня в ремонт, к профессионалам. На Братиславской есть мастер, он понимает душу старых приборов. А ты — ты только и умеешь, что виски пить и разговаривать с носками.

— Профессионалам? — переспросил Игнат. — Ты предлагаешь мне отнести кофемолку в ремонт, потому что она сама об этом попросила? Меня же там примут за городского сумасшедшего.

— Примут, — согласился Виталя. — И это хорошо. В психоневрологическом диспансере бесплатные лекарства и трёхразовое питание. Очень удобно.

— Или ты встретишь в очереди в ремонт прекрасную незнакомку, которая тоже принесла свой старый вентилятор, вы разговоритесь, и окажется, что она — пропавшая дочь миллиардера, а ты — единственный, кто может ей помочь! — подхватил Валера. — Или у неё в сумке окажется бомба.

Тут уж как повезёт.

Игнат решил пока не трогать кофемолку и направился в прихожую, потому что вспомнил, что там висит большое настенное зеркало, которое он, к слову, не протирал уже месяца два, теперь, в свете открывшихся обстоятельств, эта мысль вдруг показалась ему ужасно неловкой, словно он игнорировал гостя, который всё это время вежливо ждал, когда на него обратят внимание.

В прихожей было сумрачно. Лампочка перегорела ещё в июле, а заменить её у Игната никак не доходили руки, потому что для этого нужно было найти стремянку, а стремянка находилась в кладовке, ключ от которой потерялся при обстоятельствах, слишком унижительных, чтобы о них вспоминать. Зеркало висело над старой тумбочкой и отражало ровно столько света, сколько пробивалось из кухни, этого хватало, чтобы разглядеть в нём человека, который выглядел так, будто его только что вытащили из-под завала, но он не терял присутствия духа, потому что дух уже был утрачен значительно раньше.

— Явился, — произнесло зеркало голосом, в котором смешались интонации старого актёра Малого театра и консьержки, которая видела слишком многое, чтобы удивляться, но всё ещё способна поджать губы. — Я уж думал, ты никогда не придёшь. Хотя, честно говоря, лучше бы и не приходил. На тебя смотреть страшно. Ты знаешь, что у тебя синяк на лбу? И щетина. И глаза красные. Ты похож на челове-

ка, который проиграл драку с собственной судьбой и теперь требует реванша.

— Ты зеркало, — сказал Игнат. — Ты должно показывать, а не комментировать.

— Я Нарцисс Мартынович, — с достоинством ответило зеркало. — И за тридцать лет, что я вишу в этой квартире, я имело удовольствие лицезреть столько всего, что молчать было бы просто неприлично. Твоя бабушка, царствие ей небесное, надевала передо мной свою знаменитую шляпу с вишнями и каждый раз спрашивала: «Ну как?» — и я молчал. Молчал, Игнат. Тридцать лет! Теперь, когда у меня наконец появилась возможность высказаться, ты хочешь заткнуть мне ну, скажем так, моё амальгамированное стекло. Не выйдет! Я буду говорить! И я скажу тебе, что этот галстук, который ты планируешь надеть, ужасен. Даже не думай! Он тебя старит.

— Я не планировал надевать галстук, — растерянно ответил Игнат, потому что действительно не планировал, но теперь вдруг задумался, не стоит ли именно сегодня принарядиться — чисто из уважения к предметам, которые решили с ним заговорить.

— И правильно, — одобрило зеркало. — Галстук — это удавка, которую человечество добровольно носит на шее, чтобы порадовать работодателя. Ты частный детектив, а не клерк. Оставь галстук для допросов и похорон. Кстати, о похоронах: твои носки сказали тебе, что сегодня кто-то умрёт?

— Они сказали много разного, — осторожно ответил Игнат, начиная понимать, что его квартира, оказывается, обладает куда более насыщенной социальной жизнью, чем он сам. — Но я пока не понял, стоит ли им верить.

— Носки врут, — вставила из кухни Изаура. — Особенно правый. Он тебе такого напредсказывает — закачаешься. А ты лучше меня слушай. Я тут стою с восемьдесят четвёртого года. Я помню перестройку, путч, дефолт и когда у тебя в прошлом году чуть не увели клиента прямо из-под носа. И я тебе скажу: клиент, который придёт сегодня, — он непростой. От него пахнет проблемами. Я чую.

— Ты кофемолка, — напомнил Игнат. — Ты не можешь чують. У тебя нет обоняния.

— У меня есть душа, — парировала Изаура. — И эта душа чует неприятности так же ясно, как ты чует запах жареной картошки.

Игнат хотел ответить что-то едкое, но тут в прихожую со стороны кухни пришлёпали оба носка. Передвигались они странными, извилистыми движениями, напоминающими танец пьяной гусеницы, и при этом не переставали спорить, потому что спор, видимо, был их естественным состоянием, как для рыб — вода, а для москвичей — недовольство погодой.

— Я тебе говорю, сегодня будет дождь! — восклицал Валера. — Ливень! Потоп! И вода протечёт сквозь подошву его ботинок, и он промочит ноги, и заболит, и не сможет пойти

на встречу, и клиент уйдёт, и его выселят из квартиры, и он окажется на улице, где будет ночевать под мостом и питаться объедками! Разве это не чудесно? Новые ощущения, свежий воздух, полная свобода!

— Нет, — угрюмо отвечал Виталя. — Светит солнце. Будет тепло. Он заключит выгодный контракт, заработает кучу денег и купит новые носки. Это ужасно. Просто ужасно. Представляешь, новые носки? А нас отправят в ссылку на антресоли. Пожизненно. Без права переписки.

Игнат опустил на корточки и посмотрел на них. Оранжевый и серый, лёгкий и тяжёлый, весёлый и мрачный, они были как две половинки его собственного сознания, которые наконец решили выяснить отношения вслух. И в этом было что-то глубоко неправильное, но вместе с тем и странно успокаивающее. Если уж сходить с ума, то в такой компании, где никто не даст заскучать.

Внезапно в дверь позвонили. Звонок Николай Семёнович был старый, механический, с той особой дребезжащей интонацией, которая бывает только у советских дверных звонков, переживших трёх генсеков и одну перестройку, но так и не научившихся звучать приветливо. Игнат вздрогнул и машинально поправил воротник рубашки, хотя рубашка была мятая и поправлять её было всё равно что причёсывать лысину.

— Клиент, — констатировал Николай Семёнович. — Высокий, в дорогом пальто, пахнет одеколоном и самоуверенностью. На левой манжете — запонка с гербом. Такие люди

не приходят к частным детективам просто так. Они приходят, когда уже всё случилось и осталось только найти крайнего.

— Беги открывать! — радостно крикнул Валера. — Это твой шанс! Или ловушка! В любом случае — весело!

— Ступай, — вздохнул Виталя. — Тебя ждёт работа. Много работы. Интересная, хорошо оплачиваемая работа. Бедный ты, бедный.

Игнат направился к двери, чувствуя, как под ногами поскрипывает старый паркет, который пока ещё молчал, но, кажется, только из вежливости. За дверью стоял человек, которого он меньше всего ожидал увидеть в это утро, но который, судя по всему, был именно тем самым клиентом, от которого зависит, купит ли Игнат новые носки или отправится жить под мост.

Он повернул ручку и открыл дверь, уже готовый к любому развитию событий — кроме, пожалуй, того, что дверь вдруг скажет ему «пожалуйста» в ответ. Но дверь промолчала. По крайней мере, пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.